

АРХЕОЛОГИЯ И ЭМПОРИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СЕВЕРНОЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. Г. Глебов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2013 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме возникновения и развития городских центров Северной и Северо-Западной Европы в раннее Средневековье. Данная проблематика традиционно относится к числу наиболее запутанных и сложных вопросов, связанных с этой эпохой. На основании результатов последних археологических исследований автор предлагает свое видение отдельных аспектов указанной проблемы.*

Ключевые слова: *вик, эмпорий, раннее Средневековье, археология, городское развитие.*

Abstract: *this article deals with the problem of origin and development of city centers of the North and North-Western Europe in the early medieval period. This problem traditionally belongs to one of the most tangled and difficult questions, related to this epoch. On the basis of the last archaeological researches the author offers his vision of key moments of the indicated problem.*

Key words: *vik, emporium, early medieval Europe, archaeology, urban development.*

Возникновение и дальнейшее развитие вигов и торговых мест в Северной и Северо-Западной Европе остается одной из самых темных и запутанных тем экономической истории раннего Средневековья. Попытка ее решения с помощью археологических методов предпринимается историками и археологами на протяжении десятилетий. История поселений восстанавливается по крупицам археологических сведений, полученных в том числе благодаря новым наработкам в методах исследования.

Примером такого рода работ могут служить проведенные в 2002–2003 гг. на территории датского (ныне это север германской земли Шлезвиг-Гольштейн) поселения Хедебю металлодетекторные и геофизические исследования [1, р. 207–212]. Проведенная современными приборами разведка выявила целый ряд магнитных аномалий, за которыми скрываются колодцы, погребения, дороги, остатки рабочих зон, что позволило впервые составить точную топографическую карту поселения. В частности, были выделены границы зоны кузнечного производства X–XI вв., известной по залежам железного шлака еще с раскопок 60-х гг. Более полное представление было составлено и о численности населения. Общее количество аномалий, соответствовавших по своим характеристикам остаткам жилых домов, позволило выдвинуть предположение, что количество людей, проживавших в Хедебю во второй половине X в., составляло от 1000 до 2000 человек. Металлодетекторное обследование территории поселения значи-

тельно дополнило картину новыми монетными и ремесленными находками [2, р. 79–113]. Анализ находок позволил более точно определить хронологические рамки городского центра. Примечательно, что среди найденных артефактов практически полностью отсутствуют изделия VIII в., в том числе и в самой древней, южной части поселения, возникновение которой датируется именно началом VIII столетия. Это может быть связано с низкой значимостью поселения в то время. Среди монетных находок, за исключением нескольких пенни английского короля Этельреда II Нерешительного (978–1016) и различных датских монет чеканки XI в., доминируют германские денарии, отчеканенные на различных монетных дворах Нижней Лотарингии с 1027 по 1051 г. Таким образом, видно, что Хедебю оставался значимым торговым центром вплоть до середины XI в. «Удивительные достижения геофизической разведки, – справедливо подчеркивает К. фон Корнап-Борнхайм, – стали точкой отсчета для новой эры в долгих исследованиях Хедебю» [1, р. 212]. Можно перечислить еще ряд находок и открытий, вселяющих надежду на то, что, наконец, этот интереснейший памятник раннесредневековой археологии начал приоткрывать завесу своих тайн. Кроме того, новейшие исследования Хедебю заставляют вернуться к рассмотрению некоторых общих подходов к изучению отдельных аспектов городского развития раннесредневековой Западной Европы.

Основная трудность интерпретации этого развития, на наш взгляд, до сих пор заключается в отсутствии комплексного взгляда на проблему раннесред-

невековой урбанизации в контексте общей экономической эволюции раннесредневекового европейского общества. Причина этого, как представляется, находится в определенной предвзятости, существующей при оценке экономической жизни той эпохи. Указанная предвзятость, в свою очередь, явилась следствием, с одной стороны, нехватки исторических источников, способных конкретизировать наши представления об экономической жизни обозначенного времени. С другой стороны, в исследовательской литературе сложилась определенная заданность в освещении вопросов, связанных с проблемой постримского городского развития.

Традиционно принято считать, что эпоха раннего Средневековья начинается с устойчивого регресса экономической жизни, который характеризовался упадком производства, сокращением торговли и, как следствие, стагнацией городской жизни. На фоне упадка поздних римских городов вследствие варварских вторжений городская жизнь Европы на время (IV–VII вв.) замирает.

Ситуация меняется лишь к началу VIII в., когда пульс городской жизни вновь начинает биться. В Северной и Северо-Западной Европе идет процесс активного возникновения предгородских поселений, который обычно связывают с успехами так называемого Каролингского возрождения [3, р. 293–294]. Считается, что главную роль в стимулировании прогресса в данной отрасли постримской экономики сыграли социальные силы в лице аристократии, чьи потребности во многом определили характер этих раннегородских центров [4, р. 144]. «Возрождение городов» [5, р. 1–7], «начало новых городов» [6, р. 44] связываются с расцветом укреплявшейся политической власти династии Каролингов, прогрессом, вызванным внедрением бенефициальной земельной системы, и расцветом аристократии как в пределах Франкского государства, так и в сопредельных регионах. Как следствие, вики и эмпории англосаксонской Британии, франкской Галлии и Скандинавии того времени интерпретируются как королевские и аристократические творения, порты для торговли престижными товарами, пользовавшиеся поддержкой королевской или сеньориальной власти [7, р. 111–113]. Автор данной публикации также в свое время отдал дань этой точке зрения [11]. Однако в свете последних исследований возникает ряд вопросов, которые позволяют иначе взглянуть на отдельные моменты обозначенной историко-экономической модели.

Во-первых, в рамках этой модели не вполне понятна причина возникновения эмпориев в эпоху викингов на территории Северной и Северо-Западной Европы. Мнение, что эти городские центры ориентировались исключительно на дальнюю торговлю престижными товарами и находились вне системы

регионального обмена, может быть поставлено под сомнение последними археологическими данными с территории Северной Германии [2, р. 91–111] и Англии [8, р. 333–339].

Во-вторых, специфика внутреннего устройства эмпориев как в каролингский, так и в посткаролингский период разительно отличается от имеющихся у нас примеров королевских городов. По меткому замечанию английского археолога и историка Р. Ходжеса, эмпории являлись «средневековой реинкарнацией раннеримского городского планирования в сочетании с позднеримским акцентом на производство» [3, р. 300]. Разделение на зоны ремесленного производства и торговли, выделение в рамках ремесленных зон отдельных ремесленных кварталов, четкая и стабильная застройка, сетчатая планировка улиц, наличие «коммунальных удобств» демонстрируют высокий уровень развития городской культуры таких центров.

В-третьих, интенсивно развивавшаяся археология сельских поселений также указывает на то, что престижное аристократическое потребление и реципрокный обмен отнюдь не всегда были главной экономической функцией возникавших в североморско-балтийском регионе городских поселений. Так, анализ материальной культуры прибрежных районов Фризии VIII в. продемонстрировал, что существовало немалое число сельских поселений, чьи жители не просто имели доступ к престижным товарам, но и активно занимались их обменом в рамках регионов, примыкавших к Ла-Маншу [9, р. 4]. Подобного рода примеры, количество которых можно было бы и умножить, свидетельствуют о том, что, очевидно, настало время определенного пересмотра некоторых положений «каролингской торговой модели».

Такую попытку в своем обширном эссе «Ранние европейские города. Развитие экономики Франкского королевства между динамизмом и замедлением, 500–1100 гг.» предпринял известный немецкий историк и археолог Й. Хеннинг [9, р. 3–40]. Автор задается целью проверить тезис о взаимосвязи начала процесса урбанизации с экономическими и политическими изменениями, произошедшими в каролингский период. Исследование основывается на анализе археологических свидетельств ремесленной активности в различных типах городских и протогородских центров, располагавшихся севернее Альп в 500–1100 гг. Зона наблюдения включает в себя те области Франкского государства, которые, во-первых, не имели римской ремесленной традиции, а, во-вторых, доминировали чисто германские элементы образа жизни (Нейстрия, Австразия, Бургундия, Аллемания, Бавария, Тюрингия и Саксония).

Проведенный исследователем анализ показывает, что уровень развития постримского ремесла оказался

значительно выше, чем это предполагалось ранее. Уже в меровингский период здесь существовало более 120 протогородских поселений с развитой ремесленной активностью, которые сохранились и в каролингский период; после 900 г. их количество еще более возросло, достигнув полутора сотен. Эти наблюдения указывают, что в континентальной постримской Европе сохранилась преемственность всех известных позднеимских технологий для производства повседневных товаров в значительных объемах [9, с. 10–11].

Орудия сельского хозяйства, ремесленного производства также демонстрируют технологическую преемственность. Более того, ряд находок меняет наше представление об уровне развития технологий того времени. Так, узколезвийные косы с длинной ручкой в их полной форме впервые появляются в IV–V вв., а не в эпоху высокого Средневековья, как до этого предполагали ученые. Причем находки имеют такое поразительно высокое качество, что превосходят образцы, которые известны по данным VII–IX вв. Другим примером могут служить находки тяжелых колесных плугов, распространенных гораздо ранее каролингского периода, к тому же, что еще более важно, в технически передовой форме шарнирных плугов – изобретении, которое, как в свое время считалось, могло появиться не ранее XIII в.¹

С другой стороны, по наблюдениям немецкого ученого, динамика развития ремесленной активности носила скачкообразный характер. Причем определенный упадок приходится, как ни странно, именно на каролингскую эпоху. Так, из 27 постримских поселений с ремесленной деятельностью, существовавших к концу меровингского периода на месте позднеимских городов, к концу каролингского периода осталось только 8. В посткаролингский период (900–1100 гг.) число поселений с римской городской традицией и свидетельствами производственной активности вновь возрастает, достигая 26. Помимо этого, упадок наблюдается не только в постримских городах, но и ремесленных центрах, не имевших римских ремесленных традиций. Такие изменения, по заключению Й. Хеннинга, могут отражать трансформации, происходившие в организационной структуре ремесла в эпоху Каролингов [9, р. 14–16].

На фоне этого «упадка» и начинают бурно развиваться торгово-ремесленные центры (вики, эмпории) на побережье Северного моря, «в слабо контролируемых береговых зонах, сохранявших устойчивые связи с англосаксонскими, скандинавскими и славян-

скими обществами» [9, р. 30]. При этом археологические свидетельства указывают на преимущественно ремесленный характер этих центров. Нельзя не отметить взаимосвязь между двумя процессами: определенным замедлением пульса городской жизни в собственно каролингской Европе и его интенсификацией на северо-западе континента. Очевидно, происходит быстрый отток наиболее активной части населения, занимавшегося торговой и ремесленной деятельностью, в области, свободные от фискального контроля со стороны органов королевской власти.

Сходные процессы наблюдаются и на территории Северной Европы. За небольшой по времени срок формируется целая торгово-ремесленная сеть, состоявшая более чем из десяти крупных городских центров, расположенных на побережьях Северного и Балтийского морей. При этом они играли роль скорее региональных торговых и ремесленных центров, нежели, как считалось долгое время, центров перераспределения престижных товаров. Интенсивный характер производства наиболее ярко виден на примере двух таких центров – уже упоминавшегося Хедебю в Южной Ютландии [2, р. 79–114] и Ахус в Южной Швеции [10, р. 125–157]. Прослеживаются не только их внутренняя связь в рамках одной торговой сети, но и четкая ориентация на производство и сбыт продукции повседневного потребления в рамках конкретных областей. Об этом свидетельствует массовость находок различных монет и ремесленных изделий как на территориях самих эмпориев, так и в пределах сельскохозяйственной округи.

Подведем некоторые итоги. Вполне понятно, что возникновение раннесредневековых вигов и эмпориев Севера и Северо-Запада Европы не было случайным процессом. В свете последних археологических исследований становится также очевидно, что степень преемственности первых городских поселений раннесредневековой Европы с римскими городскими традициями была значительно выше, нежели это допускалось ранее. Более того, можно с полной уверенностью предположить, что Европа раннего Средневековья отчасти унаследовала не только «дух» позднеимской городской экономики, но и, если можно так выразиться, те социальные страты, которые были его носителями. Речь идет о ремесленниках и торговцах. Именно они, а не аристократы и королевская власть, сохранили и заново сформулировали старые античные городские традиции в новых условиях. Жизнеспособность этих социальных сил, выдерживавших экономический и политический нажим со стороны королевской власти и феодализировавшейся знати, стала главным залогом возникновения и в целом успешного развития городских центров раннего Средневековья.

¹ Более подробную информацию об уровне технологического развития в раннее средневековье см.: *Medieval Farming and Technology: the Impact of Agricultural Change in Northwest Europe* / ed. by G. Astill and J. Langdon. Leiden, New York, Köln, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Carnap-Bornheim C.* Recent Archaeological Research in Haithaby / C. Carnap-Bornheim, V. Hilberg // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium* / ed. by J. Henning. – Berlin, 2007. – Vol. 1. – P. 199–218.
2. *Hilberg V.* Hedeby in Wulfstan's days : a Danish Emporium of the Viking Age Between East and West / V. Hilberg // *Wulfstan's Vouage. The Baltic Sea Region in the Early Viking Age As Seen From Shipboard* / ed. by A. Englert, A. Trakadas. – Roskilde, 2009. – P. 79–113.
3. *Hodges R.* Dream Cities : Emporia and the End of the Dark Ages / R. Hodges // *Towns in Transition. Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages* / ed. by N. Christie, S.T. Loseby. – L., 1996. – P. 289–303.
4. *Hodges R.* The Cosmology of the Early Medieval Emporia? / R. Hodges // *Archaeological Dialogues*. – 2004. – Vol. 10/2. – P. 138–144.
5. *Hodges R.* The Rebirth of Towns In the West, AD 700–1050 / R. Hodges, B. Hopley. – L., 1988.
6. *Verhulst A.* The Rise of Cities in North-West Europe / A. Verhulst. – Cambridge, 1999.
7. *Verhulst A.* Roman Cities, Emporia and New Towns (Sixth – Ninth Centuries) / A. Verhulst // *The Long Eight Century* / ed. by I. L. Hansen, C. Wickham. – Leiden, Boston, Köln, 2000. – P. 105–121.
8. *Ulmschneider K.* Central Places and Metal-Detector Finds : What Are the English «Produktive Sites»? / K. Ulmschneider // *Central Places in the Migration and Merovingian Periods. Papers from the 52-th Sachsensymposium. Lund, August 2002* [Acta Archaeologica Lundensia, 8/39] / ed. by B. Hardt, L. Larsson. – Lund, 2002. – P. 333–339.
9. *Henning J.* Early European Towns. The Development Of the Economy in the Frankish Realm Between Dynamism and Deceleration AD 500–1100 / J. Henning // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium* / ed. by J. Henning. – Berlin, 2007. – Vol. 1. – P. 3–40.
10. *Callmer J.* North-European trading centres and the Early Medieval craftsman : Craftsmen at Ahus, north-eastern Scania, Sweden ca. AD 750–850 / J. Callmer // *Central Places in the Migration and Merovingian Periods. Papers from the 52-th Sachsensymposium. Lund, August 2002* [Acta Archaeologica Lundensia, 8/39] / ed. by B. Hardt, L. Larsson. – Lund, 2002. – P. 125–157.
11. *Глебов А. Г.* Некоторые проблемы городского развития Англии в ранний англосаксонский период (VII–IX вв.) / А. Г. Глебов // *Средневековый город : межвуз. науч. сб.* – Саратов, 2002. – Вып. 15. – С. 13–27.

Воронежский государственный университет

Глебов А. Г., доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Тел.: 8(473) 224-75-14

Voronezh State University

Glebov A. G., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Medieval and Slavic History Department

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 8(473) 224-75-14